

*Писатели-патриоты
великой родины*

В. В. МАЯКОВСКИЙ

(1893-1930)

О Г Н Е

Гослитиздат

1943

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ

ИЗБРАННОЕ

Подготовка текста
и вступительная статья

В. Д. ДУВАКИНА

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

Москва 1943

Под редакцией
А. М. Егорова, Е. Н. Михайловой,
И. Н. Розанова.

Мы—

Эдисоны

невиданных взлетов,

энергий

и светов.

Но главное в нас,—

и это

ничем не заслóнится,—

главное в нас,

это—наша

Страна Советов,

советская воля,

советское знамя,

советское солнце.

ГРАЖДАНИН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

«Народа водитель и, одновременно, народный слуга» — так определял Маяковский место поэта в жизни.

Когда Маяковский узнал, что написанную им осенью 1917 года частушку пели матросы, шедшие 25 октября на штурм Зимнего, эта частушка стала его любимым стихотворением. Строки, которые понадобились народу в решающий день его истории, получили для поэта особенную ценность.

Все подлинно великие писатели в критические моменты истории своей родины всегда были с народом. Творчество тех, кто пытался уйти от жизни и борьбы, никогда не становилось значительной вехой в истории культуры страны. Для русской литературы любовь к своему народу, гордость его достижениями, боль за его страдания и глубокая вера в его творческие силы являются как бы национальной традицией. Присущая поэзии Маяковского агитационность, трибунность, глубокое сознание своей личной ответственности за судьбу родного народа, его культуры, его государства,— то есть важнейшие черты творческого облика Маяковского,— имеют глубокие корни в истории русской литературы: и в «Памятнике» Державина, и в «Пророке» Пушкина, и в «Поэте» Лермонтова, и в гражданском пафосе Некрасова. Но, в отличие от поэтов XIX века, Маяковский жил в эпоху, когда сам народ взял в свои руки судьбы родины и неизмеримо выросло значение искусства в народной жизни. Он обращался к миллионам. О Маяковском можно сказать замечательными строками Лермонтова:

...звук его могучих слов
воспламенял бойца для битвы.

Мощный голос Маяковского

звучал, как колокол на башне вечевой
во дни торжеств и бед народных.

Неудивительно, что сейчас он звучит с новой силой.

«Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» (Сталин). Он наш современник, он — советский поэт. Для многих русских писателей прошлого, живших в эпоху, когда русский народ находился под двойным гнетом царизма и буржуазии, служение народу было моральным долгом, обязанностью, часто крестной ношей. Для Маяковского участие в социалистическом строительстве своего отечества было не только долгом, но и радостью. Как бы в ответ на суровое требование Некрасова:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан, —

через семьдесят три года прозвучали гордые слова Маяковского:

Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского
Союза.

В. В. Маяковский родился в 1893 году в Грузии, в селении Багдади (теперь Маяковский), недалеко от Кутаиси. Местные старики и сейчас еще вспоминают отца поэта, багдадского лесничего Владимира Константиновича Маяковского, человека безусловно честного, приветливого и темпераментного. Помнят и энергичного, не по летам развитого мальчика Володю. От отца Маяковский унаследовал богатырский рост и голос редкой силы и выразительности. Простота в отношениях с местным трудовым населением, дружная семья, роскошная природа южного Кавказа — все это создавало благоприятные условия для развития будущего поэта.

Учился Маяковский сначала дома, потом в гимназии в Кутаиси. В Кутаиси он пережил и события 1905 года. В городе работал подпольный имеретинно-мингрельский комитет большевиков, которым лично

руководил товарищ Сталин. Учащаяся молодежь была втянута в революционное движение, и третьеклассник Маяковский как делегат от своего класса участвовал в ученических сходках и демонстрациях. События в маленьком Кутаиси были неразрывно связаны с пробуждением скрытых сил народа на всем пространстве необъятного государства российского.

Юноша Маяковский жадно ловил вести из центральной России, читал газеты, листовки. Маленький Кутаиси уже становился ему тесен. Тесными казались и горы, окружающие родное Багдади, куда он возвращался на лето. В автобиографии Маяковского очень ярко передано это ощущение: «Снижаются горы к северу. На севере разрыв. Мечталось — это Россия. Тянуло туда невероятнейше».

В 1906 году умер отец. Семья двинулась в Москву. Неприветливо встретила Маяковского старая Москва. Ученье пришлось совмещать с заработком.

Вскоре через земляка-кутаисца Маяковский познакомился с большевиками-подпольщиками, вступил в партию РСДРП (большевиков) и весь ушел в работу пропагандиста-подпольщика под кличкой «товарищ Константин». В делах московской охраны есть много полицейских донесений о слежке за «Высоким» (так называли Маяковского охранники). В 1908, 1909 и 1910 годах Маяковский был трижды арестован. Последний раз он более полугода просидел в одиночке по делу о подпольной типографии МК большевиков. Однако отсутствие достаточных улик и то, что он не достиг еще совершеннолетия, спасло его. Ссылка в Туруханский край была заменена отдачей под надзор полиции.

В тюрьме Маяковский прочитал много художественной литературы и загорелся мыслью «делать социалистическое искусство». Партийные связи были прерваны тюрьмой и полицейским разгромом. Маяковский поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, где сблизился с художниками и литераторами. В 1912 году Маяковский впервые выступил в печати как поэт.

В годы первой мировой войны Маяковский в сатирических стихах, иронически названных им «гимнами», жестоко клеймил мнимых «патриотов» (а на деле предателей своей родины) — толстосумов, царских чиновников, взяточников («Гимн взятке», «Гимн обеду», «Мое к этому

отношение»). В поэме «Тринадцатый апостол» он приветствовал грядущую революцию.

Реакционная пресса отвечала Маяковскому травлей и клеветой.

Но даже в эти тяжелые времена Маяковский не терял веры в русский народ, в его еще скрытые творческие силы. В фантастической картине братства народов (последняя часть поэмы «Война и мир») каждая страна приносит в дар человеку то, чем она богата. Россия отдает человеку будущего свое сердце.

Чьих голосов мощь
в песни звончее сплеталась, —
Россия
сердце свое
раскрыла в пламенном гимне!

В революционной активности массы, низвергнувшей самодержавие, поэт видит

...народа огромного громовое:
— Верую
величию сердца человеческого! —

и тут же призывает народ не выпускать из рук оружия и самому решать свою судьбу:

Пока на оружии рук не разжали,
повелевается воля иная.
Новые несем земле скривали
с нашего серого Синая.

Октябрьская социалистическая революция разбудила творческие силы русского народа. Русский народ, — рабочие и крестьяне, — в напряженной борьбе против помещиков, капиталистов и белогвардейцев, распродававших Россию оптом и в розницу иностранным интервентам, отстаивал свое социалистическое отечество. В октябре 1917 года Маяковский оказался в числе тех, кто с первых же дней пошел с трудовым народом, и стал работать под руководством партии большевиков. В трудные и героические годы гражданской войны поэт сумел найти свое место. В 1918 году его слушали рабочие петербургских заводов; перед революционными матросами Балтики впервые прозвучал его, всемирно известный теперь, «Левый марш». В один из наиболее напряженных для советской республики моментов, когда Юденич стоял у ворот Пет-

рограда, а деникинская армия наступала на Тулу, Маяковский пришел в «Российское телеграфное агентство» («Роста») и возглавил коллектив, работавший над знаменитыми «Окнами Роста». (Плакаты из нескольких рисунков и стихотворного текста, по образцу которых делаются сейчас «Окна ТАСС».) «Окна Роста» — это, как определил их позднее сам поэт, «протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов». Острой карикатурой и хлесткой строчкой Маяковский разил империалистов и незадачливых белогвардейских полководцев. Многие из написанного тогда Маяковским современный читатель в праве отнести по адресу фашистских оккупантов. Стихи «Два гренадера и один адмирал» вызывают в памяти события последних месяцев — разгром армий фон Клейста, Рейхенау и других генералов «непобедимой» немецко-фашистской армии. А каким злободневным напоминанием гитлерам и геббельсам звучат сейчас строки сатирической «Советской азбуки» о Юдениче и о деникинском генерале Шкуро:

Юнцы охочи зря приврать.
Юденич хочет Питер брать.

Хотят в Москву пробраться Шкуры.
Хохочут утки, гуси, куры.

Разве весь мир не смеется теперь над гитлеровскими планами «молниеносного» захвата Москвы и Ленинграда?

И великой гордостью за свой народ и его Красную Армию проникнуто замечательное стихотворение «Последняя страничка гражданской войны», посвященное героям Перекопа:

В одну благодарность сливаем слова
тебе,
краснозвездная лава.
Вовеки веков, товарищи,
вам —
слава, слава, слава!

Когда Красная Армия двадцать два года тому назад отвоевала для советского народа «трудиться великое право», Маяковский с присущим ему темпераментом включился в созидательную работу.

Глубоко веря в силу поэтического слова, горячо отстаивая право и обязанность поэта быть злободневным, он смело применяет стих к за-

дачам повседневной — хозяйственной, политической, санитарно-просветительной и иной агитации, охотно пишет агитстихи и лозунги по заданиям государственных и общественных организаций (агитреклама, санитарный плакат, производственные лозунги), причем эту «черную» работу он исполняет с блеском подлинного мастерства. Он систематически сотрудничает в десятках столичных и местных газет (особенно много в «Известиях» и «Комсомольской правде»), в десятках общих, сатирических и специальных журналов, пишет книги для детей, пьесы, киносценарии, статьи, совершает девять поездок по странам Западной Европы и Америки, пропагандируя советскую литературу, рассеивая вражескую клевету о Советском Союзе. Еще больше он путешествует по родной стране. Не довольствуясь тем, что через газеты его стихи расходятся в миллионах экземпляров, он стремится как можно больше лично общаться со своим читателем, непрерывно проверять стих чтением в рабочей, студенческой, красноармейской аудитории. Киев и Казань, Симферополь и Пермь, Свердловск и Днепропетровск, Ростов-на-Дону и Ленинград — более чем в пятидесяти городах выступал Маяковский с лекциями и чтением стихов, вел долгие беседы с местной молодежью.

И не отрываясь от повседневной работы, в непрерывных разъездах. Маяковский создал свои замечательные поэмы: поэму о партии — «Владимир Ильич Ленин», и поэму о родине — «Хорошо!»

Маяковский является, как сказал товарищ Калинин, «великодушным образцом служения советскому народу... — Он стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих произведений» (М. И. Калинин, «О коммунистическом воспитании». Речь на собрании партактива Москвы 2 октября 1940 г.). Поэтому он сумел стать лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи.

Сейчас на фронте в несколько тысяч километров Красная Армия защищает от фашистских дикарей не только нашу землю, наши колхозы, дома и заводы, но и нашу культуру, искусство, литературу. Мы с особенным чувством вспоминаем сейчас патриотические строки великих писателей и поэтов прошлого, мы вдохновляемся описаниями героических подвигов русского народа. По-новому близко нам сейчас «Бородино» Лермонтова или многие с детства знакомые патриотические строки Пушкина. В стихах нашего великого современника, советского

патриота Владимира Владимировича Маяковского, отделенных от нас промежутком всего в 13—25 лет, мы особенно часто находим выражение наших сегодняшних мыслей, чувств и переживаний.

Активно участвуя в строительстве своего социалистического отечества, Маяковский, как подлинный художник, умел видеть большое в «мелочах».

Часто стихи, написанные «на случай», с огромной художественной силой говорят об основных вопросах нашей жизни. Читая Маяковского, видишь то, что составляет основу советской системы и залог несокрушимой крепости нашего государства, — сталинскую дружбу народов, союз рабочих и крестьян, умение советского человека подчинять личный интерес общественному, единство народа и Красной Армии и, наконец, несокрушимый дух советского человека, любящего свое социалистическое отечество.

Патриотизм Маяковского это — советский патриотизм. Маяковский жадно всматривался в «жизнь тела территорий и наций» своей многонациональной родины. Ненавидя всякое национальное угнетение, непримиримый к проповеди расовой или национальной исключительности, он с радостью сдѣлал за ростом молодой национальной культуры братских республик. В небольшом стихотворении «Казань», в нескольких строках рассказав о маленьком на первый взгляд, но типичном факте, Маяковский заставляет читателя вплотную, «на ощупь» почувствовать, что такое сталинская дружба народов СССР. В переводах своего стихотворения на марийский, татарский, чувашский языки он увидал и рост национальных культур всех народов страны Советов, и их крепнущую связь с культурой великого русского народа.

Русский поэт, он хорошо знал и любил свой родной русский язык и культуру, русское искусство и литературу. Известен его интерес к русскому народному рисунку (лубку), к русскому народному театру и народной частушке.

К юности братских республик обращены его строки:

...Используй,
кто был без'язык и гол,
свободу советской власти.
Ищите свой корень
и свой глагол,
во тьму филологии влазьте.

Советский человек — герой социалистического труда и боец, строящий свою родину и готовый, если потребуется, отдать жизнь за нее, — основной герой многих стихотворений Маяковского. Таковы рабочие из стихотворения «Рассказ о Кузнецкстрое», таков товарищ Негте, таков и лирический герой стихов о советском паспорте. Произведения Маяковского вдохновляют нас на новые трудовые и боевые подвиги во славу родины.

С особенной силой патриотизм Маяковского выразился в поэме «Хорошо!» (1927 г.). В поэме показано, как «в трудах и в бою» зародился, окреп и отстоял свое существование Союз Советских Социалистических Республик. Маяковский не скрывает прорех, недочетов и трудностей, но он верит в свой народ и спокойно глядит в будущее.

Отечество
 славлю,
 которое есть,
но трижды,
 которое будет.

«Хорошо!» — это лирическая поэма о самой большой любви поэта, — в его любви к родине. Сейчас, когда наша родина вновь переживает тяжелое испытание, миллионы честных советских людей в глубоких и правдивых строках Маяковского прочтут свои мысли и свои чувства:

...землю,
 которую
 завоевал
и полуживую
 вынянчил,
где с пулей встань,
 с винтовкой ложись,
где каплей
 льешься с массами, —
с такою землею
 пойдешь
 на жизнь,
на труд,
 на праздник
 и на смерть.

Маяковский знал, что силы черной реакции неминуемо попытаются напасть на Советский Союз. Он не писал о гитлеровской шайке, так

как умер за три года до гитлеровского переворота 1933 года в Германии. Но уже в 1923 году, в одной из своих агиток, он дал острую карикатуру на шакала Муссолини, где зло и верно определил идейное лицо «дуче»:

Лица нет,
 вместо —
 огромный
знак погромный.

Тема обороны социалистического отечества, тема Красной Армии проходит через все послеоктябрьское творчество Маяковского. Советский народ хочет мира, но война неизбежна — эта мысль в стихах 1922—1930 годов выражена неоднократно. Многие строки из оборонных стихов Маяковского звучат как мобилизующие лозунги:

Не будь,
 товарищ,
слепым
 и глухим.
Держи,
 товарищ,
порох
 сухим.

Маяковский напоминает о прошлых боях, чтобы лучше готовиться к будущим. Он неустанно призывает крепить техническую мощь Красной Армии и Военно-Морского Флота, множить и совершенствовать нашу сталинскую авиацию. Пророческим предупреждением по адресу зарвавшихся фашистов звучат сейчас строчки:

Страна у нас
 мягка и добра,
но землю Советов —
 не трогайте:
тому,
 кто свободу придет отобрать,
сумеем
 остричь
 когти.

Сумеет, потому что Красная Армия, силу ударов которой уже испытывали «непобедимые» фашистско-немецкие войска, опирается на весь

советский народ. Самую суть отношений народа и армии в нашей стране выразил Маяковский, сказав:

Сердце
 республика
 с армией слила,
нету
 на свете
 тверже сплава.
Красная Армия —
 наша сила
Нашей
 Красной Армии
 слава!

Маяковский относился к стиху как к оружию. Он глубоко верил в мобилизующую силу слова. «Слово — полководец человеческой силы».

Слово поэта кометой взвивается до звезд, для того чтобы

...подымать,
 и вести,
 и влечь,
которые глазом ослабли.
Чтобы вражьи
 головы
 спиливать с плеч
хвостатой
 сияющей саблей.

Всю жизнь Маяковский отстаивал высокое общественное призвание искусства, боролся за боевую, воинственную поэзию. Он сравнивал стих с бомбой и знаменем, строчку — с патроном, перо поэта — со штыком. Поэтому сейчас, в грозные дни войны, стих Маяковского приобретает новое мощное звучание. «Мобилизуй оружие, тело и стих», — призывал Маяковский советскую молодежь.

«Такой род оружия, как искусство, мы обязаны целиком обратить сегодня на службу Красной Армии. Все знают, какую великую силу, представляет искусство советского народа», — писала недавно «Правда». Стих Маяковского является именно такой великой силой. По какому бы частному случаю ни писал Маяковский, он всегда умел сказать о главном, всегда был обращен в будущее. Потому сейчас его стих — боевое

искусство. Многие из написанного Маяковским кажется созданным сегодня. Строчки, написанные в 1927 году по частному случаю, в 1943 году звучат как лозунг, обращенный ко всему миру:

Во всех
 уголках
 земного шара
рабочий лозунг
 будь таков:
разговаривай
 с фашистами
 языком пожаров,
словами пуль,
 остротами штыков!

В. ДУВАКИН

I.

Зажали империалистические гады
Советскую Россию в кольцо блокады.
Спасение одно — дело ясное, —
итти сражаться под знамя красное.

ПРОШУ СЛОВА

Это — не только стихи.

Эти иллюстрации не для графических украшений.

Это протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов.

Это — моя часть огромнейшей агитработы окон сатиры Роста.

Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла.

...Это не столько чтение, сколько пособие для времен, когда опять придется крикнуть:

Голой рукой

нас не возьмешь!

Деникина день

сосчитан.

Красная Армия —

красный еж —

верная

наша

защита.

Голой рукой
нас не возьмешь!
Час Колчака
сосчитан.
Красная Армия —
красный еж —
лучшая
наша
защита.
Голой рукой
нас не возьмешь!
Товарищи,
все за оружие!
Красная Армия —
красный еж —
железная сила содружия.

(1930)

ПОСМЕЕМСЯ!

СССР!
Из глоток из всех,
да так,
чтоб врагу аж смяться,
сегодня
раструбливай
радостный смех —
нам
можно теперь посмеяться!
Шипели: «Погибнут
через день, другой,
в крайности
через две недели!»

Мы
гордо стоим,
а они дугой
изгибаются.
Ливреи надели.
Бились
в границы Советской страны:
«Не допустим
и к первой годовщине!»

Мы
гордо стоим,
а они —
штаны
в берлинских подвалах чинят.

...Они
на наши голодные дни
радовались,
пожевывая пончики.

До урожая
мы доживаем,
а они
последние дожевали
милльончики!

Злорадничали:
«Коммунистам
надежды нет.

Погибнут
не в мае, так в июне!»

А мы,
мы — стоим.
Мы — на 7 лет
ближе к мировой коммуне!

Товарищи,
во-всю
из глоток из всех, —

да так, чтоб врагам
 аж смеяться,
сегодня раструбливайте
 радостный смех!
Нам
 есть над чем посмеяться!

(1924)

СОВЕТСКАЯ АЗБУКА

(Отрывки)

Гольц фон-дер прет на Ригу. Храбрый.
Гуляй, пока не взят за жабры.

Деникин было взял Воронеж.
Дяденька, брось, а то уронишь.

Рим — город и стоит на Тибре.
Румыны смотрят, чтоб бы стибрить.

Хотят в Москву пробраться Шкуры.
Хохочут утки, гуси, куры.

Шумел Колчак, что паролод.
Шалишь, верховный! Задний ход!

Юнцы охочи зря приврать.
Юденич хочет Питер брать.

(1919)

ДВА ГРЕНАДЕРА И ОДИН АДМИРАЛ

(на мотив «Во Францию два гренадера»)

1. Три битых брели генерала,
был вечер печален и сер.
Все трое, задавшие драла
из РСФСР.
2. Юденич баском пропитым
скулит: «Я, братцы, готов,
прогнали обратно побитым,
да еще прихватили и Гдов.
Нет целого места на теле,
за фрак эполеты продам,
пойду служить в метрдотели,
по ярмарочным городам».
3. Деникин же мрачно горланил:
«Куда мне направить курс?
Не только не дали Орла они,
а еще и оттяпают Курск.
Пойду я просить христа-ради,
а то не прожить мне никак.
На бойню бы мне в Петрограде
на должность пойти мясника».
4. Визглив голосок адмирала,
и в нем безысходная мука:
«А я, я — вовсе марáла,
Сибирь совершенно профукал.
Дошел я, братцы, до точки,
и нет ни двора, ни кола,
пойду и буду цветочки
сажать, как сажал Николая».
5. Три битых плелись генерала,
был вечер туманен и сер.
А флаги маячили ало
над РСФСР.

(1919, ноябрь)

РОСТА 6/№

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫВОЗ

Тачку в руки красноармейцам плечистым
Очисти от белых
Россию
тщательно!
Деникина вывезем,
и гладким и чистым
социалистическое отечество
станет окончательно!
(1919—1920) *РОСТА 6/№*

НЕДЕЛЯ ФРОНТА—НЕДЕЛЯ ПОБЕДЫ

Эй, товарищи!
Все, кто еще
военной звезды не надели,
пополните Красных Армий счет
на зов фронтовой недели.
Стройся в ряды!
Греми и громи!
Все и всё для победы!
И будет хлеб,
и будет мир,
и рухнут блокады беды.
Враг надломлен,
враг бежит
от наших ударов смелых!
Еще напор,
и не будет межи
ни одной
под властью белых!
Разбившись об твердость советских скал,
враги
подчинятся силе!

Еще напор, —
победа близка,
сомкнитесь последним усилием!!!
Эй, товарищи!
Все, кто еще
военной звезды не надели,
пополните Красных Армий счет
на зов фронтовой недели!!!

(1920, январь)

РОСТА №9

НЕДЕЛЯ ФРОНТА

1. Зажали империалистические гады
Советскую Россию в кольцо блокады.
2. Спасение одно — дело ясное —
итти сражаться под знамя красное.
3. Мы за свободу стоим на фронте, —
вы свободы в тылу не провороньте.

(1920, январь)

РОСТА №13

Товарищи,
не поддавайтесь панике,
она
делает обыкновенно
из мухи слона.
Но и остро держать ухо,
чтоб из слона
не получилась муха.
Без всякой паники,
но и не зря резво,
идите на фронт
хладнокровно и трезво.

(1920, май)

РОСТА №70

**ТОВАРИЩИ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ
О ВРАНГЕЛЕ-БАРОНЕ!**

1. Против юга готовьте красные брони.
2. Баронское наступление — тылу удар.
3. Удар барона по фронту труда.
4. Не прекратить России стона,
если Врангель уголь утащит с Дона.
5. Чтоб голод победить и холод, и тиф,
6. надо на юг с винтовкой итти.

(1920, июнь)

РОСТА №123

1. Если жить не хочешь зимой в стуже,
2. иди на фронт в минуту ту же!
3. Если не хочешь
зимой голодать, —
4. на фронт!
Чтобы Врангелю
разрастись не дать.
5. Если не хочешь,
чтоб осенью
затопила разруха, —
6. иди на фронт, пока сухо.
7. Словом,
и зимой,
и осенью,
и летом
на фронт добровольцами:
спасенье в этом!

(1920, август)

РОСТА №219

1. Что делать, чтоб сытому быть?
2. Врангеля бить!
3. Что делать, чтоб с топливом быть?
4. Врангеля бить!
5. Что делать, чтоб одетому быть?
6. Врангеля бить!
7. Врангеля бить,
сжать винтовку рукой, —
выход один,
не может быть выход другой.

(1920, август)

РОСТА №221

1. Если щель в рядах есть,
2. в эту щель враг норовит влезть.
3. Чтоб враг революцию пылью не вытер,
4. партийные ряды крепите.

(1920, сентябрь)

РОСТА №322

1. На помощь Красной Армии!
2. Победим холод,
3. победим голод,
4. а красноармейцами
Врангель будет измолот.

(1920, сентябрь)

РОСТА №410

1. Лезет барон.
2. Лезет шайка баронова.
3. Барона вон!
4. Шайку вон его!

(1920, октябрь)

РОСТА №443

1. Собственную революцию удушив,
2. отточив на РСФСР кортик,
3. лезет на помощь Врангелю
венгерский палач Хорти.
4. Товарищи!
И этого не забудьте,
когда за помощь благодарить будете.

(1920, октябрь)

РОСТА №444

1. Врангель — фон.
2. Врангеля вон!
3. Врангель — враг.
4. Врангеля в овраг!

(1920, октябрь)

РОСТА №473

Помни о дне красной казармы!
Сегодня красной казармы день!

1. Насыть красноармейца!
2. Просвети!
3. Обуй!
4. Одень!

(1920, декабрь)

РОСТА №730

1. Каждый прогул —
2. радость врагу.
3. А герой труда —
4. для буржуев удар.

(1921, январь)

РОСТА №858

ХОЧЕШЬ? — ВСТУПИ

1. Хочешь побороть холод?
2. Хочешь побороть голод?
3. Хочешь есть?
4. Хочешь пить?

Следи в ударную группу
образцового труда вступить.

(1921, январь)

РОСТА №867

ДУМАЙ ОБ АРМИИ

1. Армия подумала об нас,
2. и мы должны подумать об армии.
3. Новая армия
4. должна жить в новой казарме.

(1921, январь)

РОСТА №874

1. Штык красногвардейца возможность дал
2. флаг октябрьский водрузить ал.
3. Только штык красноармейца охранил это знамя,
4. Октябрьскую революцию закрепил за нами.
5. Только с помощью красноармейцев знамя это
6. донесем до освобождения всего света.
7. Так старайся ж каждый
8. Октябрю в честь
работу по укреплению армии весть.

(1921, январь)

Главполитпросвет №403

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАВИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Слава тебе, красноезвездный герой,
землю кровью вымыв,
во славу коммуны,
к горе за горой
шедший твердынями Крыма!
Они проползали танками рвы,
выпятив пушек шеи, —
телами рвы заполняли вы,
по трупам пройдя перешеек.
Они
за окопом взрыли окоп,
хлестали свинцовой рекою, —
а вы
отобрали у них Перекоп
чуть не голой рукою.
Не только тобой завоеван Крым
и белых разбита орава, —
удар твой двойной:
завоевано им
трудиться великое право.
И если
в солнце жизнь суждена
за этими днями хмурыми,
мы знаем —
вашей отвагой она
взята в перекопском штурме.
В одну благодарность сливаем слова
тебе,
красноезвездная лава.
Вовеки веков, товарищи,
вам —
слава, слава, слава!

(1921)

II.

Вот
она,
Россия,
моя любимая страна.
Красная,
только что из революции горнила.
Рабочей
чудовищной силой
ворочало ее и гранило.

РОЖДЕННЫЕ СТОЛИЦЫ

Тот, кто никогда не был в так называемой «провинции», плохо сейчас себе эту провинцию представляет.

Тот, кто был в этой провинции до революции, — не представляет ее совсем.

Прежде всего, самое название «провинция» дико устарело. Арханчешский язык еще склонен называть провинцией даже такие города, как Минск, Казань, Симферополь, а эти города, волей революции ставшие столицами, растут, строятся, главное, дышат самостоятельной культурой своей освободившейся страны.

Наши дни — начало культурной революции — постоянно мечают рост интересов рабочей массы к литературе.

Мне, по моей разъездной специальности чтеца стихов и прозаической литературы, нагляднее и виднее этот рост.

За последние два месяца я выступал около 40 раз по разным городам Союза.

Первое впечатление — аудитория круто изменилась. Раньше редкий город мог бы выдержать более чем один литературный вечер. И аудитория — прежде густые, потом битые

сливки города. Расходились задолго до окончания, чтоб не обменяли их ботики и шубы. Расстанешься после вечера и больше никогда и никого не видишь, разве что у зубного врача на приеме.

Сейчас любой платный вечер, рассчитанный на пару-тройку левых билетов, неизменно горит. Тем не менее барьеры пола, маны и стекла выбиты — это идут по два, по три на каждый входной и галерочный билет. Неизменная фраза перед началом каждого чтения: «Прошу товарищей галерочников слезть в партер!»

Настоящая аудитория и настоящее чтение начинаются только на другой день.

Так, в Баку, после вечера в бывшем особняке бывшего миллионера, теперь дворце тюркской культуры, звонки — «отношения»:

— Товарищ Маяковский, ждем тебя в доках!

— Товарищ Маяковский, красноармейцы и комсостав той-то и такой-то дивизии ждут тебя в Доме Красной Армии!

— Студенты не могут думать, что ты уедешь, не побывав у них... — и т. д., и т. д.

Зато и слушатель встречается по-другому.

Грузчик в Одессе, свалив на пароход чьи-то чемоданы, здоровается со мной без всякого обмена фамилиями и, вместо: «как поживаете?», — валит: «Скажи Госиздату, чтоб Ленина твоего дешевле издал».

Красноармеец из уличного патруля (3 года назад в Тифлисе) сам удостоверяет мою поэтическую личность.

За один день читал (за один, но не один) от гудка до гудка, в обеденный перерыв, прямо с токарного станка, на заводе Шмидта; от пяти до семи — красноармейцам и матросам в только что строенном, прекрасном, но холодном, нетопленном Доме Красной Армии; от девяти до часу — в университете, — это Баку. Еще бы, он столичнится на моих глазах.

Я помню дореволюционный Баку. Узкая дворцовая прибрежная полоса, за ней грязь черного и белого города, а за ней — тройная грязь промыслов, с архаической фонтанно-

и желоночной добычей нефти. Где жили эти добыватели — аллах ведаёт, а если и жили где, то недолго.

Пыльно, безлисто.

...После годовщины десятилетия я опять об'ехал Баку.

Часов в 6 утра протираю глаза. И от утра, и от необычайности зрелища. Навстречу прогромыхал электропоезд. Огромнейшие, чистейшие вагоны поднимали к проводам пары стальных иксов. На таких иксах вели поезда-электровозы по тоннелям под Нью-Йорком. В двадцать четвертом я трясся здесь в чем-то теплушечном, обдаваемый копотью. Тогда дорога шла через песок и пустырь, сейчас — через европейские коттеджи, в садиках и цветниках.

В'езжаю в Баку.

...Вечером читаю в Доме тюркской культуры. До начала меня ведут в просторный зал читальни. Тов. Юрин, талантливый поэт из Бакинской ассоциации пролетписателей, знакомит с тюркскими, уже большими и знаменитыми (4 года!) писателями.

На столе развернуты журналы — толстый лит-политический — полутюркский, полулатинский алфавит. Тоньше — пионерский.

Это уже не сколок с московской культуры. Разница не количественная, а качественная. Это столичная культура — экономического, политического и культурного центра Азербайджана.

Сходства культуры — это не насилие сотни миллионов над десятком — это общность идей одного трудового человечества, на разных языках строящего одну коммунистическую культуру.

На другой день я сорок минут мчал трамваем через новенький город в клуб Шаумяна — рабочие-подростки слушали стихи не шелохнувшись, а потом — засыпали снегом заносок:

— Что такое рифма?

— Как выучиться стать поэтом?.. и т. д.

Через три часа заторопились, но и торопливость особенная:

— Кончай, товарищ, а то завтра в 7 утра трубы таскашь, а уходить не хочется.

Я взялся писать и о Минске, и о Харькове, и о Краснодаре, и о Казани, но не могу оторваться на коротком расстоянии фельетона и от одного Баку.

Поэты и писатели, где живая хроника городов и людей?

...Союз советских республик — это не политическая формула. Это жизнь тела территорий и наций со светлыми и особенными головами столиц.

(1928)

ПО ГОРОДАМ СОЮЗА

Россия — все:
и коммуна,
и волки,
и давка столиц,
и пустынная ширь,
стоводная удаль безудержной Волги,
обдорская темь
и сиянье Кашир.
Лед за пристанью за ближней,
оковала Волга рот,
это красный,
это Нижний,
это зимний Новгород.
По первой реке в российском сторечьи
скользим...
цепенеем...
зацапаны ветром...
А за волжским доисторичьем
кресты да тресты
да разные «центро».

Сумятица торга кипит и клокочет,
клочки разговоров
и дымные клочья,
а к ночи
не бросится говор,
не скрипнут полозья,
столетняя зелень зигзагов Кремля,
да под луной,
разметавшей волосья,
замерзающая земля.

Огромная площадь;
прорезав вкривь ее,
неслышную поступь дикарских лап
сквозь северную Скифию
я направляю
в местный ВАПП.

За версты,
за сотни,
за тыщи,
за массу

за это время заедешь, мчась,
а мы
ползли и ползли к Арзамасу
со скоростью верст четырнадцать в час.
Напротив
сели два мужчины:
красные бороды,
серые рожи.

Презрительно буркнул торговый мужчина:
— Сережи! —
Один из Сережей
полез в карман,
достал пироги,
запахнул одежду
и всю дорогу жевал кормя,
ленивые фразы цедя промежду.

— Конечно...

и к Петрову.

и в Покров...

за то и за это пожалте прѳцент...

а толку нет...

не дорога, а кровь...

с телегей тони, как ведро в колодце...

На што мой конь — крепыш,

аж и он

сломал по яме ногу...

Раз ты

правительство,

ты и должѳн

чинить на всех дорогах мосты. —

Тогда

на него

второй из Серез

прищурил глаз, в морщины оправленный.

— Налог-то ругашь,

а пирог-то жрешь... —

И первый Сереза ответил:

— Правильно!

Получше двадцатого,

что толковать,

не голодаем,

едим пироги.

Мукà, дай бог...

хороша такова...

Но што насчет лошажьей ноги...

взыскали прѳцент,

а мѳст не проложить... —

Баючит езда дребезжанием звонким,

сквозь дрему

все время

про мѳст и про лошадь

до станции с названием «Зимѳнки».

На каждом доме
 советский вензель
зовет,
 сияет,
 режет глаза.

А под вензелями
 в старенькой Пензе
старушьям шопотом дышит базар.
Перед нэпачкой баба седа
отторговывает копеек тридцать.
— Купите платочек!
 У нас
 навсегда
заказывала
 сама царица... —

Морозным днем отмелькала Самара,
за ней
 начались азиаты.

Верблюдина
 сено
 провозит, замаран,
в упряжку лошажьёу взятый.

Университет —
 горделивость Казани,
и стены его
 и доньне

хранят
 любовнейшее воспоминание
о великом своем гражданине.

Далёко за годы
 мысль катя,
за лекции университета,
он думал про битвы
 и красный Октябрь,
идя по лестнице этой.

Смотрю в затихший и замерший зал:
здесь

каждые десять на сто
его повадкой щурят глаза
и так же, как он,
скуласты.

И смерти
коснуться его
не посметь,

стоит
у грядущего в сметел

Внимают
юноши
строфам про смерть,
а сердцем слышат:
бессмертье...

(1927)

БАКУ

Баку.
Город ветра.
Песок плюет в глаза.
Баку.
Город пожаров.
Польхание Балахан.
Баку.
Листья — копоть.
Ветки — провода.
Баку.
Ручьи —
чернила нефти.
Баку.
Плосковерхие дома.
Горбоносые люди.

Баку.

Никто не селится для веселья.

Баку.

Жирное пятно в пиджаке мира.

Баку.

Резервуар грязи,

но к тебе

и тянусь

любовью

более —

чем притягивает дервиша Тибет,

Мекка — правоверного,

Иерусалим —

христиан

на богомолье.

По тебе

машинами вздыхают

миллиарды

поршней и колес.

Поцелуют

и опять

целуют, не стихая,

маслом,

нефтью,

тихо

и взасос.

Воле города

противостать не смея,

цепью сцепеневших тел,

льнут

к Баку

покорно

даже змеи

швивающихся цистерн.

Если в будущее

крепко верится,

это оттого,
 что до краев
 изливается
 столицам в сердце
 черная
 бакинская
 густая кровь.

(1923)

КИЕВ

Лапы елок,
 лапки,
 лапушки...
 Все в снегу,
 а теплые какие!
 Будто в гости
 к старой,
 старой бабушке
 я вчера
 приехал в Киев.
 Вот стою
 на горке
 на Владимирской.
 Ширь во-всю —
 не вымчат и перу!
 Так
 когда-то,
 рассиявшись в выморозки,
 киевскую
 Русь
 оглядывал Перун.
 А потом —
 когда
 и кто,
 не помню толком,

только знаю,
 что сюда вот
 по льду,
да и по воде,
 в порогах,
 волоком —
шли
 с дарами
 к Диру и Аскольду.
...Шли
 из мест
 таких,
 которых нету глуше, —
прадеды,
 прапрадеды
 и пра пра пра!..
Много
 всяческих
 кровавых безделушек
здесь у бабушки
 моей
 по берегам Днепра.
Был убит
 и снова встал Столыпин,
памятником встал,
 вложивши пальцы в китель.
Снова был убит,
 и вновь
 дрожали липы
от пальбы
 двенадцати правительств.
А теперь
 встают
 с Подола
 дымы,
киевская грудь
 гудит,

котлами грета.
Не святой уже —
другой,
земной Владимир
крестит нас
железом и огнем декретов...
(1924)

Т Р И Т Ы С Я Ч И И Т Р И С Е С Т Р Ы

Помните
раньше
дела провинций?
Играть в преферанс,
прозябать
и равиться.
Три тысячи три,
до боли скул,
скулили сестры,
впадая в тоску.
В Москву!
В Москву!!
В Москву!!!
В Москву!!!!
Москва белокаменная,
Москва камнекрасная
всегда
была мне
мила и прекрасна.
Но нам ли
столицей одной утолиться?!
Пиджак Москвы
для Союза узок.

И вижу я —
 за столицей столица
растет
 из безмерной силы Союза.
Где вороны
 вились,
 над падалью каркав,
в полотна
 железных дорог
 забинтованный,
столицей
 гудит
 украинский Харьков,
живой,
 трудовой
 и железобетонный.
За горами угля
 и рельс
поезда
 не устанут свистать.
Блок про это писал:
 «Загорелась
мне Америки новой звезда!»
Где раньше
 сушу,
 китов и акул
лизало
 безрыбое море,
в дворцах
 и бульварах
 ласкает Баку —
того,
 кто трудом измороен.
А здесь,
 где афиши
 щипала коза,

— «Исполняют
такие-то арии»... —
сказанием
встает Казань,
столица
Красной Татариин.
Москве взгрустнулось.
Старушка, што ты?!
Смотри
и радуйся, простолицая:
вылупливаются,
во все Советские Штаты,
новорожденные столицы!
(1928)

ЕКАТЕРИНБУРГ — СВЕРДЛОВСК

Из снегового,
слепащего лоска,
из перепутанных
сучьев
и хвои,
встает
внезапно
домами Свердловска
новый город:
работник и воин.
Под Екатеринбургом
рыли каратики,
вгрызались
в мерзлые
породы и руды, —
чтоб на грудях
коронованной Катьки
переливались
изумруды.

У штолен
в боках
корпели,
пока —
Октябрь
из шахт
на улицы ринул,
и...
разослала
октябрьская ломка
к чертям
орлов Екатерины
и к богу —
Екатерины
потомка.
И грабя
и испепеляя,
орда растакая-то
прошла
по городу,
войну волоча.
Порол Пепеляев.
Свирепствовал Гайда.
Орлом
клевался
верховный Колчак.
Потухло
знамен
и пожаров-пламя,
и лишь,
от него
как будто ожог,
сегодня
горит —
временам на память —
в свердловском небе
красный флажок.

Под ним
с простора
от снега светлого
встает
новорожденный город Свердлова.

Полунебоскребы
лесами поднял,
чтоб в электричестве
мыть вечера,
а рядом —
гриб,
дыра,
преисподняя,
как будто
у города
нету
«сегодня»,
а только —
«завтра»
и «вчера».

В санях
промежду
бирж и трестов
свисти
во весь
широченный проспект.

И...
заколдованное место:
вдруг
проспект
обрывает разбег.

Просыпали
в ночь
расчернее могилы
звезды — табачишко
из неба кисета.

И грудью
 топок
 дышат Тагилы
да трубки
 заводов
 курят в Исети.
У этого
 города
 нету традиций,
бульвара,
 дворца,
 фонтана и неги.
У нас
 на глазах
 городище родится
из воли,
 Урала,
 труда
 и энергии!

(1928)

КАЗАНЬ

Стара,
 коса,
стоит
 Казань.
Шумит
 бурун:
«Шурум...
 бурум...»
По-родному
 тараторя,
снегом
 лужи
 намара»,

у подворья
 в коридоре
люди
 смотрят номера.
Кашляя
 в рукава,
входит
 робковат,
глаза таращит.
Приветствую товарища.
Я
 в языках
 не очень натаскан —
что норвежским,
 что шведским мажь.

Входит татарин:
 «Я
 на татарском
вам
 прочитаю
 «Левый марш».

Входит второй.
 Косой в скуле.
И говорит,
 в карманах порыскав:
«Я —
 мариец.
 Твой —
 левый,
дай
 тебе
 прочту по-марийски».

Эти вышли.
 Шедших этих
в низкой двери
 встретил третий.

«Марш
ваш —
наш марш.
Я —
чуваш,
послушай,
уважь.
Марш вашинский,
так по-чувашски...»
Как будто
годы
взял за чуб я —
— Станьте
и не пылите-ка! —
рукою
своею собственной
щупаю
бестелое слово
«политика».
Народы,
жившие в'ямясь в нужду,
притершись
Уралу ко льду,
ворвались в дверь,
идя
на штурм,
на камень,
на крепость культур.
Крива,
коса,
стоит
Казань.
Шумит
бурун:
«Шурум...
бурум...»
(1928)

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ

На сотни эстрад бросает меня,
на тысячу глаз молодежи.
Как разны земли моей племена,
И разен язык
и одежи!

Насилу,
пот стирая с виска,
сквозь горло тоннеля узкого
пролез
и, глуша прощаньем свистка,
рванулся
курьерский
с Курского!

Заводы.
Березы от леса до хат
бегут,
листочками вороча,
и чист,
как будто слушаешь МХАТ,
московский говорочек.
Из-за горизонтов,
лесами сломанных,
толпа надвигается
мазанок.

Цветисты бочка
из-под крыш соломенных,
окрашенные разно.
Стихов навезите целый мешок,
с таланта
можете лопаться.

В ответ
снисходительно цедят смешок
уста
украинца хлопца.

Пространства бегут,
с хвоста нарастав,
их жарит
солнце-кухарка.

И поезд
уже
бежит на Ростов,
далеко за дымный Харьков.

Поля —
на миллионы хлебных тонн —
как будто
их гладят рубанки,
а в хлебной охре
серебряный Дон
блестит
позументом кубанки.

Ревем паровозом до хрипоты,
и вот
началось кавказское, —
то головы сахара высят хребты,
то в солнце —
пожарной каскою.

Лечу
ущельями, свист приглушив,
снегов и папах седины.
Сжимая кинжалы, стоят ингуши,
следят
из седла
осетины.

Верх
гор
лед,
низ
жар
пьет,
и солнце льет иод.

Тифлисцев

узнаешь и метров за сто:
гуляют часами жаркими,
в моднейших шляпах,
в ботинках носастых,
этакими парижáками.

По-своему

всякий
зубрит азы,
аж цифры по-своему снятся им.
У каждого третьего —
свой язык
и собственная нация.

Однажды,

забросив в гостиницу хлам,
забыл,
где я ночую.

Я

адрес
по-русски
спросил у хохла,
хохол отвечал:
— Не чую. —

Когда ж переходят

к научной теме,
им

рамки русского
Узки;

с Тифлисской

Казанская академия
переписывается по-французски.

И я

Париж люблю сверх мер
(красивы бульвары ночью!).

Ну, мало ли что —

Бодлер, Маларме

и эдакое прочее!
Но нам ли,
шагавшим в огне и воде,
годами,
борьбой прожженными,
растить
на смену себе
бульвардье
французистыми пижонами!
Используй,
кто был без'язык и гол,
свободу советской власти.
Ищите свой корень
и свой глагол,
во тьму филологини влазьте.
Смотрите на жизнь
без очков и шор,
глазами жадными цапайте
все то,
что у вашей земли хорошо
и что хорошо на Западе.
Но нету места
злости мазку,
не мажьте красные души!
Товарищи юноши,
взгляд — на Москву,
на русский вострите уши.
Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

Когда
 Октябрь орудийных бурь
 по улицам
 кровью лился,
 я знаю,
 в Москве решали судьбу
 и Киевов
 и Тифлисов.
 Победу
 своими телами кормя,
 на пушки пушки разинув,
 бок-о-бок дрались дружины
 армян,
 украинцев,
 русских,
 грузинов...

(1927)

К Р Ы М

Хожу,
 гляжу в окно ли я, —
 цветы
 да небо синее,
 то в нос тебе
 магнолия,
 то в глаз тебе
 глициния.
 На молоко
 сменил
 чай.
 В сияньи
 лунных чар
 и днем
 и ночью
 на Чаир

вода
бежит, рыча.
Под страшной
стражей
волн-борцов
глубины вод гноят
повыброшенных
из дворцов
тритонов и наяд.
А во дворцах
другая жизнь:
насытись
водной блажью,
иди, рабочий,
и ложись
в кровать
великокняжью.
Пылают горы-горны,
и море синемлужится.
Людей
ремонт ускоренный
в огромной
крымской кузнице.

(1927)

ЕВПАТОРИЯ

Чуть вздыхает волна,
и, вторя ей,
ветерок
над Евпаторией.

Ветерки эти самые
рыскают,
глядят
щеку евпаторийскую.
Ляжем
пляжем
в песочке рыться мы
бронзовыми
евпаторийцами.
Скрип уключин,
всплески
и крики —
развлекаются
евпаторийки.
В дым черны
в тюбетейках ярких
караимы
евпаторьянки.
И сравнясь,
загорают рьяней
москвичи —
евпаторьяне.
Всюду розы
на ножках тонких.
Радуются
евпаторёнки.
Все болезни
выжмут
горячие
грязи
евпаторячьи.
Пуд за лето
с любого толстого
соскребёт
евпаторетво.

Очень жаль мне
тех,
которые
не бывали
в Евпатории.

(1928)

Д В Е М О С К В Ы

(Отрывок)

...Не надо быть пророком-провидцем,
всевидящим оком святейшей троицы,
чтоб видеть,
как новое в людях ро́ится,
вторая Москва
вскипает и строится.

И там
и тут
то громоздится лесами почтамт,
то Ленинский институт.
Дыры
метровые
пóтом полётты,
чтоб ветра быстрей
под землей полетел,
из-под покоев митрополитов
сюда чтоб
вылез
митрополитен.

...А там
вместо храпа коней от обуви

гремят грузовозы,
пыхтят автобусы.

И кажется:
центр ядро прорвалб
Садовых кольцо
и Коровьих валов.

Отсюда
слышится и мне
шипенье приводных ремней.

Как стих,
крепящий болтом
разболтанную прозу,
завод «Серпа и Молота»,
завод «Зари»
и «Розы».

Растет представленья
о новом городе,
который
деревню погонит на корде.

Качнется,
встанет,
подтянется сонница,
придется и ей
трактореть и фордзониться.

Краснеет на шпиге флага тряпица,
бессонен Кремль,
и стены его
зовут работать
и торопиться,
бросая
со Спасской
гимн боевой.

(1926)

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...

По длинному фронту
купе
и кают
чиновник
учтивый
движется.
Сдают паспорта,
и я
сдаю
мою
пурпурную книжицу.
К одним паспортам —
улыбка у рта.
К другим —
отношение плевое.
С почтеньем
берут, например,
паспорта
с двухспальным
английским лёвою.
Глазами
доброе дядю выев,
не переставая
кланяться,

берут,
как будто берут чаевые,
паспорт
американца.
На польский —
глядят,
как в афишу мюза.
На польский —
выпяливают глаза
в тугой
полицейской слоновости —
откуда мол,
и что это за
географические новости.
И не повернув
головы кочан
и чувств никаких
не изведав,
берут не моргнув,
паспорта датчан
и разных
прочих
шведов.
...И вдруг,
как будто
ожогом
рот
скривило господину.
Это
господин чиновник
берет
мою
краснокожую паспортину.
Берет —
как бомбу,
берет —
как она,

как бритву
 обоюдоострую,
берет,
 как гремучую,
 в 20 жал
змею
 двухметроворостую.
Моргнул
 многозначуще
 глаз носильщика,
хоть вещи
 снесет задаром вам.
Жандарм
 воспросительно
 смотрит на сыщика,
сыщик —
 на жандарма.
С каким наслаждением
 жандармской кастой
я был бы
 исхлестан и распят
за то,
 что в руках у меня
 молоткастый,
серпастый
 советский паспорт.

Я волком бы
 выгрыз
 бюрократизм.

К мандатам
 почтения нету.

К любым
 чертям с матерями
 катишь

любая бумажка.

Но эту...

Я

достаю

из широких штанин

дубликатом

бесценного груза.

Читайте,

завидуйте,

я —

гражданин

Советского Союза.

(1929)

III.

Что это за люди?
Какая закалка!
Кто их
так
в работу вклинна?
Их
не гонит
никакая палка,—
а они
сжимаются
в стальной дисциплине

ПАРТИЯ

(Из поэмы «Владимир Ильич Ленин»)

Америку
пересекаешь
в экспрессном купэ,
идешь Чухломой —
тебе
в глаза
вонзается теперь
Р К П,
и в скобках
маленькое «б».
Теперь
на Марсов
охотится Пулковое,
перебирая
небесный ларчик.
Но миру
эта
строчная буква

в сто крат красней,
грандиозней —
и ярче.

Слова
у нас,
до важного самого,
в привычку входят,
ветшают, как платье.

Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово —
партия.

Единица!
Кому она нужна?!

Голос единицы
тоньше писка.

Кто ее услышит? —
разве жена!

И то,
если не на базаре,
а близко.

Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,

от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду от пушек
перепонки.

Плохо человеку,
когда он один.

Горе одному,
 один не воин, —
каждый дюжий
 ему господин
и даже слабые,
 если двое.

А если
 в партию
 сгрúдились малые, --
сдайся, враг,
 замри
 и ляг!

Партия —
 рука миллионопалая,
сжатая
 в один
 громающий кулак.

Единица — вздор,
 единица — ноль,
один —
 даже если
 очень важный —
не подымет
 простое
 пятивершковое бревно,
тем более
 дом пятиэтажный.

Партия —
 это
 миллионов плечи,
друг к другу
 прижатые туго.

Партией
 стройки
 в небо взмечем,

держа
 и вздымая друг друга.
 Партия —
 спинной хребет рабочего класса.
 Партия —
 бессмертие нашего дела.
 Партия — единственное,
 что мне не изменит.
 Сегодня приказчик,
 а завтра
 царства стираю в карте я.
 Мозг класса,
 дело класса,
 сила класса,
 слава класса —
 вот что такое партия
 Партия и Ленин —
 близнецы-братья, —
 кто более
 матери-истории ценен?
 Мы говорим — Ленин,
 подразумеваем —
 партия,
 мы говорим —
 партия,
 подразумеваем —
 Ленин.

(1925)

ЛЕНИНЦЫ

Если блокада
нас не сморила,
если
не сожрала
война горяча, —
это потому,
что примером,
мерилом
было слово
и мысль Ильича.
— Вперед,
за республику
левой атак!
На первый
военный клич! —
Так
велел
защищаться
Ильич!
Втрое,
каждый
станок и верстак,
работу
свою
увеличь!
Так
велел
работать
Ильич.
Наполним
нефтью
республики бак!
Уголь,
расти от добыч!

Так
работать
велел Ильич!
«Снижай себестоимость,
выведи брак», —

гудков
вызывает
зыч, —

так
работать
звал Ильич.
Комбайном
на общую землю наляг.

Огнем
пустыри расфабричь!

Так
советам
велел Ильич.
Сжимай экономией
каждый пятак,

траты
учись стричь, —

так
хозяйничать
звал Ильич.

...Достань
бюрократа
под кипой бумаг,

рабочей
яроستي
бич, —

так
бороться
велел Ильич.

Не береги
от критики лак,

чин
в оправданье
не тычь, —
так
велел держаться
Ильич.
«Слева»
не рви
коммунизма флаг,
справа
в уныньи не хнычь, —
так
итти
наказал Ильич.
Намордник фашистам!
Довольно
собак
спускать
на рабочую «дичь»!
Так
велел наступать Ильич.
Не хнычем,
а торжествуем и чествуем.
Ленин с нами,
бессмертен и величав.
По всей вселенной
ширится шествие —
мыслей,
слов
и дел Ильича.

(1930)

**ТОВАРИЩУ НЕТТЕ—
пароходу и человеку**

Я недаром вздрогнул.
Не загробный вздор.
В порт,
 горящий,
 как расплавленное лето,
разворачивался
 и входил
 товарищ «Теодор
Нетте».
Это — он.
 Я узнаю его.
В блюдечках-очках спасательных кругов.
— Здравствуй, Нетте!
 Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
 канатов
 и крюков.
Подойди сюда!
 Тебе не мелко?
От Батума,
 чай, котлами покипел...
Помнишь, Нетте, —
 в бытность человеком
ты пивал чам
 со мною в дип-купе?
Медлил ты.
 Захрапывали сони.
Глаз
 кося
 в печати сургуча,
напролет
 болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
 стихи уча.

Засыпал к утру.

Курок

аж палец свел...

Суньтеся —

кому охота!

Думал ли,

что через год всего

встречусь я

с тобою —

с пароходом.

За кормой луница.

Ну и здóрово!

Залегла,

просторы нá-двое порвав.

Будто нáвек

за собой

из битвы коридоровой

тянешь след героя,

светел и кровав.

В коммунизм из книжки

верят средне.

«Мало ли,

что можно

в книжке намолоть!»

А т а к о е —

оживит внезапно «бредни»

и покажет

коммунизма

естество и плоть.

Мы живем,

зажатые

железной клятвой.

За нее —

на крест,

и пулею чешите:

это —
чтобы в мире
без России,
без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.
В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.
Мне бы жить и жить,
сквозь годы мчась.
Но в конце хочу —
других желаний нету —
встретить я хочу
мой смертный час
так,
как встретил смерть
товарищ Нетте.

(1926)

РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате:
я
и Ленин —

фотографией
на белой стене.
Рот открыт
в напряженной речи,
усов
щетинка
вздернулась ввысь,
в складках лба
зажата
человечья,
в огромный лоб
огромная мысль.
Должно быть,
под ним
проходят тысячи...
Лес флагов...
рук трава...
Я встал со стула,
радостью высвечен, —
хочется
итти,
приветствовать,
рапортовать!
«Товарищ Ленин,
я вам докладываю
не по службе,
а по душе.
Товарищ Ленин,
работа адская
будет
сделана
и делается уже.
Освещаем,
одеваем нищ и оголь,
ширится
добыча
угля и руды.

но всех
скрутить
ужасно трудно.
Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным,
по землям,
покрытым
и снегом
и живьем,
вашим,
товарищ,
сердцем и именем.
думаем,
дышим,
боремся
и живем!»

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате:
я
и Ленин —
фотографией
на белой стене.

(1929)

ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

...Мы
по дням и по ночам
работаем,
тьме угрожая.
Одно
из наших больших начал —

«Праздник урожая».
Праздников много, —
но отродясь,
ни в России,
яи около
не было,
чтоб люди
трубили, гордясь,
что рожь уродилась
и свекла.

Республика
многим бельмо в глазу,
и многим
охота сломать ее.

Нас
штык
от врагов
защищает в грозу,
а в мирный день —
дипломатия.

Но нет у нас
довода
более веского,
чем амбар,
ломящийся от хлебных груд.

Нету дела
почетней деревенского,
почетнее,
чем крестьянский труд.

...Взрастишь кукурузу в засушливой зоне —
и можешь

мечтать о новом фортдзоне.

Чем больше будет хлебов ржаных,
тем больше ситцев у моей жены.

Еще завелась племенная свинья,
и в школу
 рубль покатился, звеня.
На литр увеличь молоко коров,
и новый ребенок в Союзе здоров.
Чем наливней
 и полнее колос,
тем громче
 будет
 советский голос.
Крепись этот праздник
 из года в год,
выставляй
 — похвалиться рад —
лучшую рожь,
 лучший скот
и радужнейший виноград.
Лейся
 по селам
 из области в область
слов
 горящая лава:
урожай — сила,
 урожай — доблесть,
урожай увеличившим
 слава!

(1926)

УРОЖАЙНЫЙ МАРШ

Добьемся урожая мы, —
втройне,
 земля,
 рожай!

Пожалте,
уважаемый
товарищ урожай! —
Чтоб даром не потели мы
по одному,
по два, —
колхозами,
артелями
об'единись, братва.
Земля у нас хорошая,
землица неплоха,
да надобно
под рожь ее
заранее вспахать.
Чем жить, зубами щелкая,
в голодные года,
с проклятою
с трехполкою
покончим навсегда.
Вредителю мы
начисто
готовим карачун.
Сметем с полей
кулачество,
сорняк
и саранчу.
Разроем складов завали.
От всех
ответа ждем,
чтоб тракторы
не ржавели
впустую под дождем.
Поля
пройдут науку
под ветром-игруном.

Дашь
на дружбу руку,
товарищ агроном!
Земля —
не хочет более
терпеть
плохой уход, —
готовься,
комсомолия,
в передовой поход.
Кончай
с деревней серенькой,
вставай, который сер!
Вперегонки
с Америкой
иди, СССР!
Добьемся урожая мы, —
втройне,
земля,
рожай!
Пожалте,
уважаемый
товарищ
урожай!

(1929)

РАССКАЗ О КУЗНЕЦКСТРОЕ И О ЛЮДЯХ КУЗНЕЦКА

К этому месту будет подвезено в пятилетку 1 000 000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей.

Из разговора.

По небу
 тучи бегают,
дождями
 сумрак сжат,
под старую
 телегою
рабочие лежат.
И слышит
 шопот гордый
вода
и
 под
 и над:
«Через четыре
 года
здесь
 будет
 город-сад!»
Темно свинцовоночие —
и дождик
 толст, как жгут;
сидят
 в грязи
 рабочие,
сидят,
 лучину жгут.
Сливеют
 губы
 с холода,

но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Свела
промозглость
корчею —
неважный
мокр
уют,
сидят
впотьмах
рабочие,
подмокший
хлеб
жуют.
Но шопот
громче голода, —
он кроет
капель
спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Здесь
взрывы закудахтают
в разгон
медвежьих банд,
и взроет
недра
шахтою
стоугольный «Гигант».

Здесь
встанут
стройки
стенамк.

Гудками
пар
сипи.

Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга».

Рос
шопоток
рабочего
над тьмью
тучных стад,
а дальше
неразборчиво,
лишь слышно —
«город-сад».

Я знаю —
город
будет,
я знаю —
саду
цвествь,
когда
такие люди

в стране
в советской
есть!

(1929)

ИЗ «МАРША УДАРНЫХ БРИГАД»

...Энтузиазм,
разрастайся и длись
фабричным
сияньем радужным.
Сейчас
подымается социализм
живым,
настоящим,
правдошним.

(1930)

ЧУДЕСА!

Как днище бочки,
правильным диском
стояла
луна
над дворцом Ливадийским.
Взошла над землей
и пошла заливать ее,
и льется на море,
на мир,
на Ливадию.
В царевых дворцах —
мужики-санаторники.
Луна, как дура,
почти в исступлении.

Глядят
глаза
блинорожия плоского
в афишу на стенах дворца:
«Во вторник
выступление
товарища Маяковского».
Сам самодержец,
здесь же,
рядом,
гонял по залам
и по бильярдам.
И вот,
где Романов
дулся с маркёрами,
шары
ложá
под свитское ржание,
читаю я
крестьянам
о форме
стихов —
и о содержании.
Звонок.
Луна
отодвинулась тусклая,
и я,
в электричестве,
стою на эстраде.
Сидят предо мною
рязанские,
тульские,
мочесывают бороды русские,
ерошат пальцами
русые пряди.
Их лица ясны,
яснее, чем блюдце,

где надо — хмуреют,
где надо —
смеются.
Пусть тот,
кто Советам
не знает цену,
со мною станет
от радости пьяным:
где можно
еще
читать во дворце —
что?
Стихи!
Кому?
Крестьянам!
Такую страну и сравнивать не с чем, —
где еще
мыслимы
подобные вещи?!
И думаю я
обо всем,
как о чуде.
Такое настало,
а что еще будет?..

(1927)

РАССКАЗ РАБОЧЕГО ПАВЛА КАТУШКИНА О ПРИОБРЕТЕНИИ ОДНОГО ЧЕМОДАНА

Я
завел
чемоданчик, братцы.
Ведь —
загранице ноздрю утри.

Застежки,
ручки
(чтоб, значит, браться),
а внутри...
Внутри
в чемодане —
освещение трехламповое,
на фибровой крышке —
чертеж — узор.

И тот,
который
музыку нахлопывает,
репродуктор —
типа Диффузор.
Лезу на крышу,
сапоги разул.

Поставил
на крыше
два шеста.
Протянул антенну,
отвел грозу,
словом —
механика,
и никакого волшебства.

Помещение, знаете, у меня —
малó!

Гостей принимать
возможности не далó,
путь, конечно, тоже
до нас
длинен.

А тут к тебе
из чемодана:
«Ало, ало! —

к вам сейчас
появится
товарищ Калинин!»

Я рад,
жена рада,
однако
делаем
спокойный вид.

Мы, говорим,
его выбирали,
и ежели
ему
надо,
пусть
Михаил Ваньч
с нами говорит.

О видах на урожай
и на промышленность вид
и много еще такого...
Про хлеб —
говорит,
про заем —
говорит.

Очень говорит толково.
Польза —
и ничего кроме,
закончил —
и следующий номер.

Накануне получи
пустой карман.

Тем более —
семейство,
нужна ложа.

Подать, говорю,
на дом
оперу «Кармен»!

Подали,
и слушаю
в кровати лёжа.

Львов послушать?
Пожалуйста!
вот они...

То в Москве,
а то
в Ленинграде я,
то —
на полюсе,
а то —
в Лондоне.

Очень приятно это —
р-а-д-и-о!

Завтра —
праздник.
В самую рань
слушать
музыку
сяду я.

Правда,
часто
играют и дрянь,
но это —
дело десятое.

Покончил с житишком
пьяным
и сонным,
либо —
с лекцией,
с музыкой либо.

Советской власти
с Поповыми и Эдисонами
от всей души
пролетарское спасибо!

(1928)

**РАССКАЗ ЛИТЕЙЩИКА ИВАНА КОЗЫРЕВА
О ВСЕЛЕНИИ В НОВУЮ КВАРТИРУ**

Я пролетарий.
Об'ясняться лишне.
Жил,
как мать произвела, родив.
И вот мне
квартиру
дает жилищный,
мой
рабочий
кооператив.
Во — ширина!
Высота — во!
Проветрена,
освещена
и согрета.
Все хорошо.
Но больше всего
мне
понравилось —
это:
это
блее лунного света,
удобней,
чем земля обетованная,
это —
да что говорить об этом,
это —
ванная.
Вода в кране —
холодная крайне.
Кран
другой
не тронешь рукой.

Можешь
 холодной
 мыть хохол,
горячей —
 пот пор.
На кране
 одном
 написано:
 «Хол.»,
на кране другом —
 «Гор.».
Придешь усталый,
 вешаться хочется.
Ни щи не радуют,
 ни чая клокотанье.
А чайкой поплещешься —
 и мертвый расхохочется
от этого
 плещущего щекотания.
Как будто
 пришел
 к социализму в гости,
от удовольствия —
 захватывает дых.
Брюки на крюк,
 блузу на гвоздик,
мыло в руку
 и...
 бултых!
Сядешь
 и моешься
 долго, долго.
Словом,
 сидишь,
 пока охота.

Просто
 в комнате
 лето и Волга, —
только что нету
 рыб и пароходов.
Хоть грязь
 на тебе
 десятилетнего стажа,
с тебя
 корою с дерева,
чуть не лыком
 сходит сажа,
смывается, стерва.
И уж распаришься,
 разжаришься уж!
Тут —
 вертай ручки:
и каплет
 прохладный
 дождик-душ
из дырчатой
 железной тучки.
Ну ж и ласковость в этом душе!
Тебя
 никакой
 не возьмет упадок:
погладит волосы,
 потреплет уши
и течет
 по жолобу
 промежду лопаток.
Воду
 стираешь
 с мокрого тельца
полотенцем,
 как зверь, мохнатым.

Чтобы суше пяткам —
пол
стелется,
извиняюсь за выражение,
пробковым матом.
Себя разглядевши
в зеркало вправленное,
в рубаху
в чистую
влазь.
Влажу и думаю:
— очень правильная
эта,
наша
советская власть.

(1928)

ОКТЯБРЬСКИЙ МАРШ

(Отрывок)

Сталью
блестят
с генеральной стройки
сотни
болтов и скреп.
Эй,
подвезем
работникам стойким
хлеб,
хлеб,
хлеб!
В строгое
зеркало
сердцем взглянем,

счистим
нагар
и шлак.
С партией в ногу!
Держи
без виляний
шаг,
шаг,
шаг!
Больше
комбайнов
кустарному лугу!
Больше
моторных стай!
Сталь и хлеб,
железо и уголь
дай,
дай,
дай!..

(1929)

Д О М О Й

(О т р ы в о к)

...Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.
Не хочу,
чтоб меня, как цветочек с полян,
рвали
после служебных тягот.

Я хочу,
 чтоб в дебатах
 потел Госплан,
мне давая
 задания нá год.
Я хочу,
 чтоб над мыслью,
 времён комиссар
с приказанием нависал.
Я хочу,
 чтоб сверх-ставками спёца
получало
 любовищу сердце.
Я хочу,
 чтоб в конце работы
 завком
запирал мои губы
 замком.
Я хочу,
 чтоб к штыку
 приравняли перо.
С чугуном чтоб
 и с выделкой стали
о работе стихов,
 от Политбюро,
чтобы делал
 доклады Сталин.
«Так, мол,
 и так...
 И до самых верхов
прошли
 из рабочих нор мы:
в Союзе
 Республик
 пониманье стихов
выше
 довоенной нормы...»

(1926)

IV.

...Землю,
 которую
 завоевал
и получившую
 выпечь, чил,
где с пулей встал,
 с винтовкой дохнул,
где каплей
 льешься с массами,—
с такую землю
 пойдешь
 на жизнь,
на труд,
 на праздник
 и на смерть!

ХОРОШО!

Октябрьская поэма

(Отрывки)

1

...Это время гудит
 телеграфной струной,
это
 сердце
 с правдой вдвоем.
Это было
 с бойцами
 или страной,
или
 в сердце
 было
 в моем.

Я хочу,
чтобы, с этою
книгой побыв,
из квартирного
мирка
шел опять
на плечах
пулеметной пальбы,
как штыком,
строкой
просверкав.
Чтоб из книги,
через радость глаз,
от свидетеля
счастливого, —
в мускулы
усталые
лилась
строящая
и бунтующая сила...

8

Холод большой.
Зима здорова.
Но блузы
прилипли к потненьким.
Под блузой коммунисты
грузят дрова
на трудовом субботнике.
Мы не уйдем,
хотя
уйти
имеем
все права.

В наши вагоны,
на нашем пути,
наши
грузим
дрова.
Можно
уйти
часа в два, —
но мы —
уйдем поздно.
Нашим товарищам
наши дрова
нужны:
товарищи мерзнут.
Работа трудна,
работа
томит.
За нее —
никаких копеек.
Но мы
работаем,
будто мы
делаем
величайшую эпопею.
Мы будем работать,
всё стерпя,
чтоб жизнь,
колёса дней торопя,
бежала
в железном марше
в наших вагонах,
по нашим степям,
в города
промерзшие
наши.
«Дяденька,
что вы делаете тут,

столько
больших дядей?»
— Что?
Социализм:
свободный труд
свободно
сбравшихся людей.

9

Перед нашей
республикой
стоят богатые.
Но как постичь ее
И вопросам
разнедоуменным
нет числа:
что это
за нация такая
«социалистичья»,
и что это за
«соци-
алистическое отечество»?
«Мы
восторги ваши
понять бессильны.
Чем восторгаются?
Про что поют?
Какие такие
фрукты-апельсины
растут
в большевицком вашем
раю?
Что вы знали,
кроме хлеба и воды, —
с трудом
перебиваясь
со дня на день?»

Такого отечества
такой дым
разве уж
настолько приятен?
За что вы
идете,
если велят —
«воюй»?

Можно
быть
разорванным бомбицею,
можно
умереть
за землю за свою,
но как
умирать
за общую?..»

...Слушайте,
национальный трутень, —
день наш
тем и хорош, что труден.
Эта песня
песней будет
наших бед,
побед,
буден.

10

...Могилы копайте,
гроба копите, —
Юденича
рати
прут
на Питер.

В обозах
ёды вкўсняются,
консервы —
пуд.
Танков
гусеницы
на Питер прут.
От севера
идет
адмирал Колчак,
сибирский
хлеб
сапогом толча.

...Граншей,
машинами выбранные,
саперами
Крым перекопан, —
Врангель
крупнокалиберными
орудует
с Перекопа.

...Посреди
винтовок
и орудий голосища
Москва —
островком,
и мы на островке.
Мы —
голодные,
мы —
нищие,
с Лениным в башке
и с наганом в руке.

...Я

много
 в теплых странах плутал,
 но только
 в этой зиме
 понятной
 стала
 мне
 теплота —
 любовью,
 дружб
 и семей.

Лишь лежа
 в такую вот гололедь,
 зубами
 вместе
 проляскав —

поймешь:
 нельзя
 на людей жалеть
 ни одеяло,
 ни ласку.

Землю,
 где воздух,
 как сладкий морс,
 бросишь
 и мчишь, колеся, —
 но землю,
 с которою
 вместе мерз,
 вовек
 разлюбить нельзя.

Скрыла

та зима,

худа и строга,

всех,

кто навек

ушел ко сну.

Где уж тут словам!

И в этих

строкáх

боли

волжской

я не коснусь.

Я

дни беру

из ряда дней,

что с тыщей

дней

в родне.

Из серой

полосы

деньки,

их гнали:

годы —

водники —

не очень

сытенькие,

не очень

голодненькие.

Если

я

чего написал,

если

чего

сказал, —

тому виной
 глаза-небеса,
любимой
 моей
 глаза.

Круглые
 да карие,
горячие
 до гари.

Телефон
 взбесился шалый,
в ухо
 грохнул обухом,
карие глазища
 сжала

голода
 опухоль.

Врач наболтал —
чтоб глаза
 глазели,

нужна
 теплота,
нужна
 зелень.

Не домой,
 не на суп,
а к любимой
 в гости

две
 морковники
 несу
за зеленый хвостик.

Я
много дарил
 конфет да букетов,

но больше
всех дорогих даров
я помню
морковь драгоценную эту
и пол-
полена
березовых дров.

Мокрые,
тощие
подмышкой
дровинки,
чуть потолще
средней бровинки.
Вспухли щеки.
Глазки —
щелки.

Зелень
и ласки
выходили глазки.
Больше
блюдца,
смотрят
революцию.

Мне
легше, чем всем, —
я
Маяковский.
Сижу
и ем
кусочек
конский.
Скрип —
дверь,
плача.

Сестра

младшая.

— Здравствуй, Володя!

— Здравствуй, Оля!

— Завтра новогодие —
нет ли

соли? —

Делю,

в ладонях вешаю

щепотку

отсыревшую.

Одолевая

снег

и страх,

скользит сестра,

идет сестра,

бредет

трехверстной Пресню

солить

картошку пресную.

Рядом

мороз

шел

и рос.

Затевал

щепотку —

отдай

щепотку.

Пришла,

а соль

не валится —

промерзла

к пальцам.

За стенкой —

шарк:

«Иди,
жена,
продай
пиджак,
купи
пшена».

Окно, —
с него
идут
снега,
мягка
снегов,
тиха
нога.

Бела,
гола
столиц
скала.

Прилип
к скале
лесов
скелет.

И вот
из-за леса
небу в шаль,
вползает
солнца
вша.

Декабрьский
рассвет,
изможденный
и поздний,
встает
над Москвой
горячкой тифозной.

...Можно
забыть,
где и когда
пузы растил
и зобЫ,
но землю,
с которой
вдвоем голодал, —
нельзя
никогда
забыть!

15

Под ухом
самым
лестница
ступенек на двести, —
несут
минуты-вестницы
по лестнице
вести.
Дни пришли
и топали:
— Дожили,
вот вам, ---
нету
топлив
брюхам
заводовым.
Дымом
небесный
лак помутив,
до самой трубы,
до носа
локомотив
стоит
в заносах.

Положив
на валенки
цветные заплаты,
из ворот,
из железного зѣва,
снова
шли,
ухватясь за лопаты,
все,
кто мобилизован.
Вышли
за лес,
вместе
взялись.
Я ли,
вы ли,
откопали,
вырыли.
И снова
поезд
катит
за снежную
скатерть.
Слабеет
тело
без ед
и питья.
Носилки сделали,
руки сплетя.
Теперь
запевай,
и домой можно —
да на руки
положено
пять обмороженных.

Сегодня
на лестнице,
грязной и тусклой,
копались
обывательские
слухи-свиньи:
— Деникин
подходит
к сáмой
к тульской,
к пороховой
сердцевине. —
Обулись обыватели,
по пыли печатают
шопотоголосые
кухарочьи хоры.
— Будет...
крупчатая!..
пуды непечатые...
ручьи — чай,
сухари,
сахары
Бли-и-и-эко беленькие,
береги кёренки! —
Но город
проснулся,
в плакаты кадрóванный, —
это
партия звала:
«Пролетарий, на коня!»
И красные
скачут
на юг
эскадроны —
Мамóнтова
нагонять.

...От боя к труду —
от труда
до атак, —

в голоде,
в колоде
и нагоде

держали
взятое,
да так,
что кровь
выступала из-под ногтей.

Я видел
места,
где инжир с айвой
росли
без труда
у рта моего, —

к таким
относишься
иначе.

Но землю,
которую
завоевал
и полуживую
вынянчил,
где с пулей встань,
с винтовкой ложись,
где каплей
льешься с массаами, —
с такою
землею
пойдешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на смерть!

...В духовках солнца
горы жаркие.
Воздух
цветы рассиропили.
Наши
с песней
идут от Джанкоя,
сыпятся
с Симферополя.
Перебивая
пуль разговор,
знаменами
бой
овевая,
с красными
вместе
спускается с гор
песня
боевая.
Не гнулась,
когда
пулеметом крошило,
всгавала,
бесстрашная,
в дожде-свинце:
«И с нами
Ворошилов,
первый красный офицер».
Слушают
пушки,
морские ведьмы,
у-
ле-
петывая

во винты во все,
как сыпется
с гор
— «готовы умереть мы
за Эс Эс Эс Эр!»
Начштаба
морщит лоб.
Пальцы
корявой руки
буквы
непослушные гнут:
«Врангель
оп-
раки-
нут
в море.
Пленных нет».
Покамест —
точка
и телеграмме
и войне.
Вспомнили —
недопахано,
недожато у кого,
у кого
доменные
топки да зóри.
И пошли,
отирая пот рукавом,
расставив
на вышках
дозоры.

Хвалить
 не заставят
 ни долг,
 ни стих

всего,
 что делаем мы.

Я
 пол-отечества мог бы
 снести,

а пол-
 отстроить, умыв.

Я с теми,
 кто вышел
 строить
 и месть

в сплошной
 лихорадке
 буден.

Отечество
 славлю,
 которое есть,

но трижды —
 которое будет.

Я
 планов наших
 люблю громадьё,
 размаха
 шаги саженьи.

Я радуюсь
 маршу,
 которым идем

в работу
 и в сраженья.

Я вижу —
 где сор сегодня гниет,

где только земля простая, —
на-сажень вижу,
из-под нее

коммуны
дома
прорастают.

И меркнет
доверье
к природным дарам,
с унылым
пудом сенца,
и поворачиваются
к тракторам
крестьян
заскорузлые сердца.

И планы,
что раньше
на станциях лбов
задерживал
нищенства тормоз,
сегодня
встают
из дня голубого,
железом
и камнем формясь.

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
вою
мое отечество,
республику мою!

На девять
 сюда
 октябрѣй и маѣвъ,
 под красными
 флагами
 праздничных шествій,
 носил,
 с миллионами,
 сердце мое,
 уверен
 и весел,
 горд
 и торжествен.

Сюда,
 под траур
 и плеск чернофлажій,
 пока
 убитого
 кровь горяча, —
 бежал,
 от тревоги
 на выстрелы вражьи,
 молчать
 и мрачнеть,
 кричать
 и рычать.

Я
 здесь
 бывал
 в барабанах стучащих
 и в мертвом
 холоде
 слез и льдин,
 а чаще еще —
 просто
 один.

Солдаты башен
стражей стоят,
подняв
свои
островерхие шлемы, —
и, злобу
в башках куполов
тая,
притворствуют
церкви,
монашьи шельмы.

Ночь —
и на головы нам
луна.
Она
идет
оттуда откуда-то...
оттуда,
где
Совнарком и ЦИК,
Кремля
кусок
от ночи откутав,
переползает
через зубцы.
Вползает
на гладкий
валун,
на секунду
склоняет
голову,
и вновь
голова-луна
уносится
с камня
голового.

Место лобное —

для голов

ужасно неудобное.

И лунным

пламенем

озарена мне

площадь

в сияньи,

в яви

в денной...

Стена.

И женщина со знаменем

склонилась

над теми,

кто лег под стеной.

Облил

булыжники

лунный никель,

штыки

от луны

и тверже

и злей,

и

как нагроможденные книги —

его

мавзолей.

Но в эту

дверь

никакая тоска

не втянет

меня,

черна и вязка, —

души

не смущу

мертвизной, —

ни бьется,
 как бился
 в сердцах
 и висках,
живой
 человечьей весной.
Но могилы
 не пускают,
 и меня
останавливают имена.
...Вот с этим
 виделся
 чуть не за час.
Смеялся. Снимался около...
И падает
 Войков,
 кровью сочась,
и кровью
 газета намокла.
За ним
 предо мной,
 на мгновенье короткое,
такой,
 с каким
 портретами сжились, —
в шинели измятой,
 с острой бородкой,
прошел
 человек,
 железен и жилист.
Юноше,
 обдумывающему
 житье,
решающему —
 сделать бы жизнь с кого,

скажу,
не задумываясь:
— Делай ее
с товарища
Дзержинского. —
Кто костями,
кто пеплом
стенам под ступу
улеглись...
А то
и пепла нет.
От трудов,
от каторг
и от пуль,
и никто
почти —
от долгих лет.
И чудится мне,
что на красном погосте
товарищей
мучит
тревоги отравы.
По пеплам идет,
сочится по кости,
выходит
на свет
по цветам
и по травам.
И травы
с цветами
шуршат в беспокойстве:
— Скажите —
вы здесь?
Скажите —
не сдали?

Идут ли вперед?
Не стоит ли? — Скажите.

Достроит
коммуна
из света и стали
республики вашей
сегодняшний житель? —

— Тише, товарищи, спите...

Ваша
подросток-страна
с каждой
весной
ослепительней,
крепнет,
сильна и стройна. —

...— Спите,
товарищи, тише...

Кто
ваш покой отберет?
Встанем,
штыки оцетинивши,
с первым
приказом:
«Вперед!»

19

Я
земной шар
чуть не весь
обошел, —
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо.

А в нашей буче,
боевой, кипучей, —
и того лучше.
Вьется
улица-змея.
Дома
вдоль змен.
Улица —
моя.
Дома —
мои.
Окна
разинув,
стоят
магазины.
В окнах
продукты:
вина,
фрукты.
От мух
кисея.
Сыры
не засижены.
Лампы
сияют.
«Цены
снижены»
Стала
оперяться
моя
кооперация.
Бьем
грошом.
Очень хорошо.
Грудью
у витринных
книжных вруд.

Моя
 фамилия
 в поэтической рубрике.
Радуюсь я —
 это
 мой труд
вливается
 в труд
 моей республики.

Пыль
 взбили
 шиной губатой, —
в моем
 автомобиле
мой
 депутаты.
В красное здание
на заседание.
Сидите,
 не советите
в моем
 Моссовете.

Розовые лица.
Револьвер
 желт.

Моя
 милиция
меня
 бережет.

Жезлом
 правит,
чтоб вправо
 шел.

Пойду
 направо.
Очень хорошо.

Надо мною
 небо —
синий
 шелк.
Никогда
 не было
так
 хорошо!
Тучи —
 кочки
переплыли летчики.
Это
 летчики мои.
Встал,
 словно дерево, я.
Всыпят, как пойдут в бой,
по число
 по первое.

...Полки
 идут
у меня на виду.
Барабану
 в бока
бьют
 войска.
Нога
 крепка,
голова
 высока.
Пушки
 ввозятся, —
идут
 краснозвездцы.
Приспособил
 к маршу
такт ноги:

вра-
 ги
 ва-
 ши —
мо-
 и
 вра-
 ги.
Лезут?
 Хорошо.
Сотрем
 в порошок.
Дымовой
 дых
 тяг.
Воздуха́ береги.
Пых-дых,
 пых-
 тят
мои фабрики.
Пыши,
 машина,
 шибче-ка,
вовек чтоб
 не смолкла, —
побольше
 ситчика
моим
 комсомолкам.
Ветер
 подул
в соседнем саду.
В ду-
 хах
 про-
 шел.

Как хо-
рошо!
За городом —
поле.
В полях —
деревеньки.
В деревнях —
крестьяне.
Бороды
веники.
Сидят
папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
попишет
стихи.
Что ни хутор,
от ранних утр
работа любá.
Сеют,
пекут
мне
хлебá.
Доят,
пашут,
ловят рыбицу;
республика наша
строится,
дыбится.
Другим
странам
пò сто.
История —
частью гроба.

А моя
 страна —
 подросток, —
твори,
 выдумывай,
 пробуй!
Радость прет.
 Не для вас
 уделить ли нам?
Жизнь прекрасна
 и
 удивительна.
Лет до ста
 расти
нам
 без старости.
Год от года
 расти
нашей бодрости.
Славьте,
 молот
 и стих,
землю молодости.

(1927)

Шли деревенские,
лезли из шахт,
дрались
 голодные,
в рвани
 и вшах.

Серые шлемы
с красной звездой
белой ораве
крикнули:
 Стой!

Били Деникина
били
 Махно, —
так же
 любого
с дороги смахнем.
Хрустнул,
 проломанный,
Крыма хребет.
Красная
 крепла
в громе побед.
С вами
 сливалось,
победу растя,
сердце
 рабочих,
сердце
 крестьян.
С первой тревогою
с наших низов
стоимиллионные
встанем на зов.
Землю колебля,
в новый поход

двинут
 дивизи
Красных пехот.
Помня
 принятие
красных присяг,
лава
 Буденных
пойдет
 на рысях.
Против
 буржуевых
новых блокад
красные
 птицы
займут облака.
Крепни
 и славься
в битвах веков,
Красная
 Армия
большевиков!
(1928)

«КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ЗВЕЗДА» ¹

1

Если на фронте опасность имеется,
наша защита — красноармейцы.

2

Сунулся было Колчак в правители,
только того адмирала и видели.

¹ Тексты для конфетных оберток. (Р е д.)

3

Вздумалось лезть генералу Деникину, —
красноармеец Деникина выкинул.

4

Врангеля шлют помещики вскоре, —
скинули Врангеля в Черное море.

5

Шел Юденич на Красный Питер,
да о штыки бока повытер.

6

Теперь передышка, — военный люд
домой возвратился и взялся за труд.

7

Не верьте, крестьяне, в тишь да гладь,
в землю штык рано втыкать.

8

Шире открой на Запад глаза,
с Запада может притти гроза.

11

Чтоб враг не лез на республику в раже,
красноармейцы, стойте на страже!

(1924)

МУССОЛИНИ

Куда глаз ни кинем —
газеты
полны
именем муссолиньим.

Для не видевших
рисую Муссолини я.

Точка в точку,
в линию линия.

Родители Муссолини,
не пыжьтесь в критике!

Не похож?
Точнейшая
копия политика.

У Муссолини
вид
ахов. —

Голые конечности,
черная рубаха;
на руках
и на ногах
тыщи
кустов
шерстищи;
руки
до пяток,
метут низы.

В общем
у Муссолини
вид шимпанзы.

Лица нет,
вместо —
огромный
знак погромный.

Столько ноздрей
у человека —
зря!

У Муссолини
всего
одна ноздря,
да и та
разодрана
пополам ровно
при дележе
ворованного.

Муссолини
весь
в блеске регалий.

Таким
оружием
не сразить врага ли?!

Без шпалера,
без шпаги,
но
вооружен здорово:

на боку
целый
литр касторовый;
когда
плеснут
касторку в рот те,

не повозражаешь
фашистской
роте.

Чтобы всюду
Муссолини
чувствовалось как дома.

в лапше
связка
отмычек и фомок.

В министерстве
первое
выступление премьера
было
скандалом,
не имеющим примера.
Чешет Муссолини,
а не поймешь
ни бельмеса.
Хорошо —
нашелся
переводчик бесплатный.
— Т-ш-ш-ш! —
пронеслось,
как зефир средь леса. —
Это
язык
блатный! —
Пришлось,
чтоб точить
дипломатические ясы,
для министров
открыть
вечерние классы.
Министры подучились,
даже без труда
без особенного, —
меж министрами
много
народу способного.
...Политикой не исчерпывается —
не на век же весь ее!
Муссолини
не забывает
и основную профессию.

Возвращаясь с погрома
или с развлечений иных,
Муссолини
не признает
ключей дверных.

Демонстрирует
министрам,
как можно
негромко
любую дверь
взломать фомкой.

Карьере
не лет же до ста расти.

Надавят коммунисты —
пустишь сок.

А это
все же
в старости
небольшой,
но верный кусок.

А пока
на свободе
развится этакий,
жиреет,
блестит
от жирного глянца.

А почему он
не в зверинце,
не за решеткой,
не в клетке?

Это
частное дело
итальянцев.

(1923)

ГОТОВЬСЯ! СТОЙ! СТРОЙ!

(Отрывки)

...Республика,
с тобой грозят
расправиться жестоко!
Работай так,
чтоб каждый потом вымок...
Крепите оборону,
инженер и токарь.
Крепи, шахтер,
газетчик,
врач
и химик!
Войну грядущую
решит
аэропланов рой.
Чтоб бомбовозы
города Союза
дырами не взрыли —
летающую мощь,
не прекращая, строй!
Шуми по небесам
крылами
краснозвездных эскадрилий.

...Не знаем мы
войны годов и чисел;
чтоб не врасплох пришла,
гремя броней и ковкой,
встречать
любую смерть,
заранее учись,
учись владеть
противогазом и винтовкой...

(1928)

«СПЛОШНАЯ НЕДЕЛЯ»

(Отрывки)

Бубнит

вселенная

в ухо нам,

тревогой напоена:

— Идет война,

будет война,

война,

война,

война!

...Еще

готовятся,

пока —

не лезут,

пока

дипломатии

улыбка

тонка.

Но будет —

двинут

гром и железо,

танками

на хаты

и по станкам...

Кругом сжимается

уже и уже.

Ближе,

ближе

в шпорах нога.

Товарищ,

готовься

во всеоружии

встретить

лезущего врага.

(1927)

НУ, ЧТО Ж!

Раскрыл я
 с тихим шорохом
глаза страниц...
И потянуло
 порохом
от всех границ.
Не вновь,
 которым за двадцать,
в грозе расти.
Нам не с чего
 радоваться,
но нечего
 грустить.
Бурна вода истории.
Угрозы
 и войну
мы взрежем
 на просторе,
как режет
 киль волну.

(1927)

МАРШ — ОБОРОНА

Семнадцать и двадцать
нам только и лет.
Придется нам драться,
хотим или нет.

Раз!

два!

раз!

два!

Вверх

го-

ло-

ва!

...Дунули газом,

и парень погас.

Эх,

кабы сразу

противогаз!

Раз,

два,

шаг,

ляг!

Твер-

же

шаг

в шаг!

Храбрость хвалимую —

в сумку положи!

Хитрую химию,

ученый,

даешь!

Гром

рот,

ать,

два!

Впе-

ред,

брат-

ва!

Ветром надуло

фабричную гарь.

Орудует Тула —
советский пушкарь.

Раз!

два!

раз!

два!

Вверх

го-

ло-

ва!

Выглядь да выровняй
шрапнельный стакан!

Дисциплинированной
стань у станка.

Дом,

труд,

хлеб

нив

о-

бо-

ро-

ни!

Над пехотинцами

прямо от сохи

взмост нас птицами

Осоавиахим!

Раз!

два!

шаг,

ляг!

Твер-

же

шаг

в шаг!

(1928)

ДОЛОЙ ШАПКИ!

Ну, и дура —
храбрость-то:
всех
звала
шавками.
Всех, мол,
просто-напросто
закидаю
шапками.
Бойся
этих
русских фраз
и не верь
в фуражку.
С этой фразой
нам
не раз
наломают
ряжку...
Враг Советов
не дитё,
чтоб итти
в кулачики.
Враг богат,
умен,
хитер...
По гробам
укладчики!
Крыты
сталью-броней
кони их
крепкие.
Не спугнешь их
враньем
о киданьи кепки.

Враг
в дредноутах-китах,
с танками,
с тяжкими,
их
не сломишь,
закидав
шапками-
фуражками!

Они
молчком
к тебе
придут,
лица
не показывая.

Лишь
на траншею,
на редут
вползет
смертища газовая.

Пока
стальным окружим
враги
не нависли,
крепись
во всеоружии
техники
и мысли!

(1929)

**МУСКУЛ СВОЙ,
ДЫХАНИЕ
И ТЕЛО
ТРЕНИРУЙ С ПОЛЬЗОЙ
ДЛЯ ВОЕННОГО ДЕЛА**

Никто не спорит:

летом

каждому

нужен спорт.

Но какой?

Зря помахивать

гирей и рукой?

Нет,

не это!

С пользой проведи

сегодняшнее

лето.

Рубаху

в четыре пота промочив,

гол

загоняй

и ногой, и лбом,

чтоб в будущем

бросать

разрывные мячи

в ответ

на град

белогвардейских бомб.

Нечего

мускулы

зря нагонять,

не нам

растить

«мужчин в соку».

Учись

вскочить

на лету на коня,
с плеча
учись
рубить на скаку.

...Жир
нарастает
тяжел и широк
на пышном лоне
канцелярского брюшка.

Служащий,
довольно.
Временный жирок
скидывай
в стрелковых кружках.

Знай
и французский,
и английский бокс,
но не для того,
чтоб скулу
сворачивать вбок,
а для того,
чтоб, не боясь
ни штыков, ни пуль,

одному
обезоружить
целый патруль.

Если
любишь велосипед —
тоже
нечего
зря сопеть.

Помни,
на колесах
лучше, чем пеший,
доставишь в штаб
боевые депеши.

Развивай
дыханье,
 мускулы,
 тело
не для того,
 чтоб зря
 наращивать бицепс,
а чтоб крепить
 оборону
 и военное дело,
чтоб лучше
 с белыми биться.
(1927)

МАРШ

Из поэмы «Летающий пролетарий»)

Буржуи
 лезут в яри
на самый
 небный свод.
Товарищ
 пролетарий,
садись на самолет!
Катись
 назад,
 заводчики,
по облакам свистя.
Мы — летчики
республики
 рабочих и крестьян.
Где не проехать
 коннице,
где не пройти
 ногам, —

там
 только
 летчик гонится
за птицами врага.
Вперед!
 Сквозь тучи-кочки!
Летим,
 крылом блестя.
Мы — летчики
республики
 рабочих и крестьян!
Себя
 с врагом померьте,
дорогу
 кровью рдя,
до самой
 небьей тверди
коммуну
 утвердя.
Наш флаг
 меж звезд
 полощется,
рабочью
 власть
 растя.
Мы — летчики,
 мы — летчицы
рабочих и крестьян!

(1925)

ЛОЗУНГИ-РИФМЫ

Десять лет боевых прошло.
Вражий раж
еще не утих.

Может,
скоро
дней эшелон
выльют
всклубит
боевые пути.

Враг наготове.
Битвы грядут.

Учись
шагать
в боевом ряду...

Слышна
у заводов
врага нога нам.

Учись,
товарищ,
владеть наганом.

Не век
стоять
у залива в болотце.

Крепите
советский флот,
краснофлотцы!

Битва не кончена,
только смолкла,
готовься, комсомолец
и комсомолака.

Когда
 перед тобою
 встанут фашисты,
обезоруженным
 не окажись ты.
Во всех
 уголках
 земного шара
рабочий лозунг
 будь таков.
разговаривай
 с фашистами
 языком пожаров,
словами пуль,
 остротами штыков.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. Дувакин — Гражданин Советского Союза (Вступительная статья)	5

I. СПАСЕНИЕ ОДНО—ДЕЛО ЯСНОЕ.— ИТТИ СРАЖАТЬСЯ ПОД ЗНАМЯ КРАСНОЕ

Прошу слова	17
Посмеемся!	18
Советская азбука (Отрывки)	20

(«Окна Роста»)

Два гренадера и один адмирал	21
Четвертый вывоз	22
Неделя фронта — неделя победы	22
Неделя фронта	23
Товарищи, не поддавайтесь панике	23
Товарищи, не забывайте о Врангеле-бароне	24
Если жить не хочешь зимой в стуже	24
Что делать, чтоб сытому быть?	25
Если щель в рядах есть	25
На помощь Красной Армии	25
Лезет барон	25
Собственную революцию удушив	26
Врангель — фон	26
Помни о дне красной казармы	26
Каждый прогул	27
Хочешь? — вступи	27
Думай об армии	27
Штык красногвардейца возможность дал	27
Последняя страничка гражданской войны	28

II. ВОТ ОНА, РОССИЯ, МОЯ ЛЮБИМАЯ СТРАНА

Рожденные столицы	29
По городам Союза	32
Баку	36
Киев	38
Три тысячи и три сестры	40
Екатеринбург — Свердловск	42
Казань	45
Нашему юношеству	48
Крым	52
Евпатория	53
Две Москвы	55
Стихи о советском паспорте	57

**III. ЧТО ЭТО ЗА ЛЮДИ? КАКАЯ ЗАКАЛКА!
КТО ИХ ТАК В РАБОТУ ВКЛИНИЛ?**

Партия (Отрывок из повмы «В. И. Ленин»)	61
Ленинцы	65
Товарищу Нетте — пароходу и человеку	68
Разговор с товарищем Лениным	70
Праздник урожая	73
Урожайный марш	75
Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка	78
Из «Марша ударных бригад»	81
Чудеса	81
Рассказ рабочего Павла Катушкина о приобретении одного чемодана	83
Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру	87
Октябрьский марш	90
Домой	91

IV. ХОРОШО!

Отрывки из поэмы	93

**V. ТОМУ, КТО СВОБОДУ ПРИДЕТ ОТОБРАТЬ,
СУМЕЕМ ОТСТРИЧЬ КОГТИ**

Десятилетия песня	125
«Красноармейская звезда»	127
Муссолини	129
Готовься! Стой! Строй!	133
Сплошная неделя	134
Ну, что ж!	135
Марш — оборона	135
Долой шапки!	138
Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела	140
Марш (Из поэмы «Летающий пролетарий»)	142
Лозунги-рифмы	144

Редактор М. Эссен

*Подписано к печати 28/V 1943 г. А468 4¹/₈ п.л. л. 7,23 уч.-авт. л.
Зак. 189. Цена 3 руб. Тираж 25 000 экз.*

2-я тип. изд-ва „Московский большевик“, Москва, Петровка, 17.

3 руб.